

Я разговаривал с Ататюрком

Category: Hekayalar, Kitapcy, Satiriki hekayalar

написано kitapcy | 23 января, 2025

Я разговаривал с Ататюрком Я РАЗГОВАРИВАЛ С АТАТЮРКОМ [1]

С тех пор прошло двадцать лет. Нас было человек двести, двести молодых лейтенантов.

Как и каждое утро, в старой казарме военной школы в Мачке стоял галдеж двухсот молодых глоток.

И вдруг все смолкло. Воцарилась небывалая, неслыханная тишина. Казалось, даже часы остановились.

— Что случилось?

— Что происходит? Пробежал встревоженный шепот:

— Умер Ататюрк...

Звуки, взгляды, чувства, время, земля — все застыло.

— Надеть парадную форму! — отдает команду капитан Чийдемоглу.

— Два наших курсанта идут во дворец Долмабахче часовыми у гроба Ататюрка.

Моя очередь заступить на почетный пост — после полуночи. Впереди капитан, сзади мы — два лейтенанта. Полчаса неподвижно стоим мы у гроба Ататюрка. Свет факелов освещает его лицо, вспыхивает огнем на сабле капитана. Мы застыли не на страже праха Ататюрка, мы охраняем Революцию. Ататюрк — значит Революция. Он оставил нам ее завоевания и спит так спокойно, потому что уверен в нас. Пламя факелов то возгорается, то угасает на стали сабли.

* * *

Прошло двадцать лет. Ком горя, который сковал тогда мое горло, слезы, которые застыли тогда в моих глазах, вчера разразились рыданиями... Я вновь стоял перед Ататюрком.

Я возвратился к 10 ноября 1938 года. Но разве сейчас я в карауле? Мы в карауле? Где те завоевания, на страже которых мы стояли?

Туман, обволакивающий меня, сгущается и чернеет. Даже в свете

факелов я ничего не вижу.

– Отец, я не вижу тебя... – произнес я.

– Если вы понимаете и разделяете мои взгляды, мои мысли – это уже важно, – прозвучал в моих ушах голос. Его голос.

– Понимаем, отец, но мы не можем высказать их.

– Если мы убеждены, что делаем по совести и наши слова не расходятся с делом, то должны открыто, ясно, без колебаний и неопределенностей, говорить об этом.

– Мы верим в свою правоту. Но боимся. Мы, интеллигенты, стали боязливыми, всего боимся.

– Не бойтесь говорить правду!..

– Но мы боимся правды... Поэтому давно прибегаем к обману, вводим себя в заблуждение.

– И оценивая положение, и принимая решения, мы должны без страха смотреть правде в глаза, хотя она и горька. У нас нет нужды обманывать себя и друг друга.

– Правда у нас существует только в определенной форме. На тех же, кто думает иначе, не так, как принято, смотрят с подозрением.

– Каждая личность должна сама осознать, что нужно для всей нации.

– Дайте нам совет, из чего следует исходить, решая проблемы, стоящие перед страной?

– Нужно рассматривать проблемы не в связи со случайными событиями, а заглядывать в их сущность.

– А если нам не дадут выразить свои мысли по этому поводу?

– Нельзя подавить мысль принуждением и силой, пушками и винтовками.

– Но для этого прежде всего нужна свобода печати.

– Печать – голос нации. Печать является независимой силой, школой, руководителем; она дает необходимую идейную пищу, просвещает и указывает нации, в каком направлении должно идти ее развитие, короче говоря, – она прокладывает ей путь к счастью.

– Мы прилагаем большие усилия, чтобы освободиться от клейма «слаборазвитая нация», однако усилия наши бесплодны.

– Реформы, направленные на удовлетворение только неотложных

потребностей нации, – недалёковидны и решают частные вопросы, но не главные.

– А какая программа была у вас?

– Народ, крестьяне подсказали мне рабочую программу: дороги и школы.

– Отец, почти семьдесят процентов турецкого народа неграмотно.

– Подумайте, как низок процент грамотности нашего социального коллектива. А основной элемент нашего общества – крестьянин – неграмотен. Это позор. Позор для всех, кто считает себя человеком, позор для нашей нации. Но мы избавимся от этого позора. Надо, чтобы каждый гражданин принял участие в исправлении этой ошибки.

– У нас мало школ. Учителя задыхаются от нужды. Их не хватает, и школы закрываются.

– Обучение в школах нужно передать в надежные руки, а чтобы обеспечить воспитание знающими и уважаемыми учителями, которые считают обучение детей нашей страны своим делом, своим долгом, следует поднять на должную высоту профессию учителя и дать ему достаток, как и людям других почетных профессий.

– Какой должна быть система нашего просвещения?

– Подлинным хозяином страны и основным элементом нашего общества является крестьянин, тот самый крестьянин, которому до сегодняшнего дня был закрыт путь к знаниям. Поэтому в основе нашей политики просвещения лежит уничтожение невежества. Достижение этой цели составит священный этап в истории нашего просвещения.

– Реакционеры день ото дня расширяют свою деятельность. По рукам ходят издания, публикация которых в ваши дни была запрещена.

– Во время динамичного революционного натиска сторонники старого правопорядка вынуждены укрываться, но как только их влияние начинает ослабевать, они сразу, же активизируются и выжидают случая, чтобы осудить основы революции, ее лучшие устремления и священные идеалы.

– Политические деятели в погоне за голосами избирателей все чаще и чаще делают уступки реакционерам. Нам, отец, это причиняет адскую боль.

– Те, которые охраняют реакционные мысли, полагают, что они опираются на определенный класс, однако это – игра воображения. Мы сметем тех, кто хочет преградить путь нашему прогрессу, и пойдем дальше. Мы не собираемся останавливаться на пути обновления. Мир стремительно движется вперед. Разве можем мы стоять в стороне от этого движения?

– Нет, не можем. Некоторые политики говорят, что «демократия – это желание большинства», и, играя на этом, они подстрекают массы, около семидесяти процентов которых неграмотны, на реакционные выступления, и таким образом подтачивают силы революции.

– Ни одна настоящая революция не может быть совершена одним решением большинства, без тех, кто видит истину.

Нельзя проводить плебисциты среди масс, еще связанных азиатскими догмами покорностей и привычками, масс, которые могут подпасть под влияние монополистических сил, много обещающих, но вынашивающих коварные замыслы.

– Что мы должны сделать для улучшения жизни тех, кого ты, отец, назвал «основным элементом общества» – наших крестьян?

– Прежде всего, в стране не должно быть безземельных крестьян. Нужно ограничить наделы крупных землевладельцев и распределить земельные участки среди бедняков в соответствии с плотностью населения того или иного края страны, в зависимости от степени плодородия земли.

– Отец, что нам необходимо, чтобы поднять Турцию до уровня современных, передовых наций? Иностранный капитал? Обучение нашей молодежи в странах Европы или привлечение иностранных специалистов?

– Можно сказать, что мы ни в чем не нуждаемся. Нам не хватает только одного: трудолюбия!.. Если мы исследуем наши социальные беды, то не обнаружим более тяжелого недуга. И первое, что мы должны сделать, это избавиться от этого недуга. Надо привить нации трудолюбие. Достаток, счастье – право только тех, кто трудится.

– Отец с кем и с чем связать нам наши надежды?

– Есть два Мустафы Кемалья. Один – это я, смертный Мустафа Кемаль; другой тот, который как идеал живет в нации,

представителем которой я являюсь. Хотя я и появлялся на общественной арене в момент, когда страна была в опасности, меня родила турецкая мать. Разве турецкие матери теперь не родят таких же Кемалей? Знайте, успех принадлежит нации, а не мне. И надежды надо возлагать на свои силы.

* * *

Погасли факелы. Все кругом померкло. Рыдания, которые двадцать лет назад сковали мне горло, которые застыли в моих глазах, разразились.

[1] Приведенные здесь слова Ататюрка написаны и высказаны им лично. – Прим. автора. Satiriki hekaýalar